

18+

Софія Шегель

ПУТИ ГОСПОДНИ

ИЗРАИЛЬ
2016

София Шегель
Пути Господни

«Издательские решения»

Шегель С.

Пути Господни / С. Шегель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510197-6

Живу давно. Не надоело. К литературе отношусь с пиететом, насколько она литература. К людям — реалистично, насколько они люди. К семье, любви, дружбе, творчеству — трепетно. Чтобы больше узнать об авторе, стоит читать произведение: о чем бы мы ни писали, мы всегда, хотим того или не хотим, пишем о себе, даже если никаких соприкосновений сюжет не содержит. Все, о чем пишу я, если не сюжетно, то эмоционально и концептуально связано с моими близкими, с моей судьбой, с моим временем. София Шегель

ISBN 978-5-00-510197-6

© Шегель С.
© Издательские решения

Содержание

МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ ЗАБВЕНИЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пути Господни

София Шегель

Дизайнер обложки Виталий Аркадьевич Слуцкий

© София Шегель, 2020

© Виталий Аркадьевич Слуцкий, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-0197-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ ЗАБВЕНИЯ

– Неправильно это. Если волосы светлые, глаза должны быть голубые. Или, наоборот, пусть тогда и волосы будут черные, как у Галы, – вот где красавица! А я что? Волосы мало что курчавые, так еще и совсем белые, как у мадам из имения. А глаза карие, почти черные, как у папы. Мама тоже блондинка, но, как полагается, синеглазая. – Мали горестно вздыхает. – Нет, не повезло мне в жизни. Откуда ни глянь – ничего хорошего.

Зеркало у Мали совсем маленькое, все лицо в нем никак не помещается. Чтобы хорошо себя рассмотреть, надо вертеть головой туда-сюда, да еще так, чтобы отец не заметил, а то насмешек не оберешься. А он все замечает. Одно спасение – он вечно занят, то на мельнице, то в лавке. Ему дай волю – так он всю семью запряжет свою мельницу с лесопильней обслуживать. Но Мали ни за что не поддастся. Одно дело по дому, тут куда денешься – и стирать надо, и прибираться, и двор в порядке держать – куры, гуси, овцы. На мать надежды никакой: она с утра пораньше горшок с мясом-картошкой-фасолью в печку задвинет – и сразу в лавку или на базар – товар ждать не будет, хоть творог-сметана, хоть яйца-куры, на потом не отложишь, все сию минуту надо.

– Мама, а что у нас сегодня на обед?

И она, не оборачиваясь, отвечает:

– Если не выкипит, будет юх, а выкипит – жаркое, – и дальше, своим широким мужским шагом во двор, лошадь выведет, запряжет, бричку нагрузит так, что ее самой за поклажей и не видно, стегнет лошадку для разгона – и вперед. Только у самых ворот вполоборота к окну мужа окликнет: – Мендель, меня нет...

Вот домашние заботы и лежат полностью на Мали. Но чтоб на лесопильне – это уж нет. Она не Залман, она ни за что.

– Залман, бедняжка, братец мой дорогой, ну ты и послушная овечка! Отец сказал – Залман сделал. И что в результате? За все свои пятнадцать лет что ты в жизни видел?.. А ведь мог бы стать настоящим художником – любая деревяшка в твоих руках превращается в конька, или в собачку, или в петушка – сколько их по всему дому. А еще сколько у родственников или просто у соседей, все дети в местечке знают твои поделки.

– Можно подумать, ты в свои семнадцать много чего повидала. Наверное, и с русалкой подружилась, пока простыни полоскала. Она тебя в гости не звала? А то смотри, потонешь – и концов не найдем.

– Я потону? Да я в воде, как в собственной постели. Я могу даже спать на воде. А могу на самое дно нырнуть, там знаешь как красиво! Меня даже рыбы не боятся, я среди них плавать умею, только воздуха схватить выныриваю. Так что это я скорее русалку в гости позову, посмотришь.

– А давай, позови, я посмотрю. Может, и подружимся с ней. А то я, сколько живу, русалки не видел. Только во сне.

Мали уже рот открыла – ответить брату, мол, наверное, и ты русалкам по ночам снишься, красавчик, – да не успела, отец окликнул:

– Это еще что за пустые тары-бары! Залман, смотри, уже солнце встает, давай-ка, быстро умылся и ворота открывать, сегодня народу будет много, похоже, отмолотились.

Пыльный проселок извивается вдоль реки, повторяет ее изгибы, как брат-близнец, у ворот мельницы вспухает по ширине почти втрое, превращается в площадь, как в местечке на базаре, – приходит время помолы, подводы ставить много места нужно. В дождь здесь месиво непролазное, грязь черная, жирная, на колеса липнет, ноги вязнут. А в сухую погоду, как сегодня, белесая сухая пыль вздымается из-под пяток легким облачком, воробьи в пыли купа-

ются и шум поднимают несусветный, даже кошка лениво голову поднимает с травки, делает вид – «вот я вас сейчас!» – и снова дремотно замирает на своей зеленой лежанке.

Мали осматривается, приставив ладонь козырьком ко лбу.

– Действительно, я-то что видела? Вот нашу речку видела, где еще такая красота есть? Дом наш, печка мальвами расписана, Мали сама на прошлой неделе рисовала, скоро швуес, по-русски троица, надо, чтоб все красиво было. И мельница у нас справная, такие даже на картинках рисуют – разве плохо? И что девушке надо видеть? А что я хочу видеть? Ясное дело, хочу в город, хочу знать, как люди живут, как одеваются. У меня за всю жизнь ничего красивее деревенской вышиванки не было. Хочу на поезде покататься... Нет, на самом деле я совсем не этого хочу. Хочу, чтоб приехал принц. Пусть не на коне, хотя бы в бричке. И чтоб в этой бричке меня увез – туда, где поезд, и театр, и много людей, все разные, и конка...

Мали много чего в мыслях своих девичьих хочет, а пока ноги сами послушно несут ее к реке, босые пятки вздымают побелевшую от жаркой засухи пыль, длинная рясная деревенская юбка с одного боку подоткнута за пояс, чтоб не путалась при ходьбе, на мостках Мали подоткнет ее еще повыше, а то подол в воде полоскаться будет. Тяжелая корзина с бельем плечо оттянула, стирки на полдня, надо успеть, пока погода держится. На мостках уже и Гала со своим узлом, вот хорошо, хоть есть с кем словом перемолвиться, а то засохнешь, как лягушка в банке. Гала – самый близкий человек для Мали, не считая, конечно, мамы-папы и брата Залмана. Обе они, ясное дело, девушки занятые, Гала дома тоже не прохлаждается, работы хватает – за скотиной ухаживать, корову доить, да пока в хате приберешься, печку подбелить. Но уж как есть свободная минутка – подружки друг друга найдут.

– Привет, Мали, а я тебя уже жду, сумно одной.

– С добрым утром, подружка. Давно не виделись, аж со вчерашнего вечера! Что новенького в местечке?

– Та шо там може буты новЕнького? Лито настало, дачныки вже прыйихалы. – Высокий голос Галы разносится над водой, кажется, летит на тот берег, к перелеску, туда, вдоль дороги, далеко-далеко. – На нашый вульци одни знялы хату – батько з матирью ще нэ стары, а сын вже дорослый, такой высокий, красивый, як дивчина, Ициком кличуть, я чула. Мабуть, из ваших.

«И ничего я такого в мыслях не держала», – Мали сама перед собой оправдывается, вспомнив недавно проскочившую мимолетную мысль, а лицо ее заливаet краской так, что Гала, глядя на подругу, удивленно вскидывает брови:

– Что с тобой? Голова закружилась? Ты нэ дывись на воду, бо витром полоще, як спидныцю у балеи.

– Ой, Гала, ты опять сама не знаешь, на каком языке говоришь! Ты выбери какой-нибудь один, а то ведь язык сломаешь.

Мали всегда смеется над речью Галы – не по-русски, не по-украински, смесь какая-то, но очень смешная и сочная, как салат у бабушки Нехамы. Мали не знает слова *суржик*, салат понятнее. Ну где еще вы такое услышите: «По-над лисом вночи лунае... музыка дивной красоты». Мали как услышала – обомлела, а услышала эти слова от Галы, давно, прошлым летом, когда дачныки музыку завели поздно вечером, в полнолуние...

Ну, да, правда, тогда еще этот парень, Ицик, все поглядывал на нее, но ни разу подойти не решился, даже когда они там свой граммофон заводили, а деревенские-местечковые в отдалении садились послушать. Но это ж целый год прошел, он и забыл уже, наверное, что есть такая Мали. А уж она так точно ни разу его не вспоминала. Ну, может, раз или два – не больше. Ладно, пора за дело.

Мали деловито приспособливает подол юбки, чтоб не намочить, хотя все равно он намокнет, и берется за свою стирку. Гала рядом занята тем же. Девушки привычно превращают свою работу в веселую игру – то синхронно раскачиваются, как бы танцуя, выполаскивают мыли-

стую глину из простыней, то затягивают на два голоса песню и сами радостно слушают, как разносятся их голоса над водой.

Им и невдомек, что из окна ближней мазанки наблюдает за ними молоденький дачник, студент Ицик – он целый год, с прошлого лета ждал дачного сезона, мечтал увидеть поразившую воображение деревенскую Мадонну – роскошную кареглазую блондинку со стройными ножками, словно сошедшую с полотен фламандцев. Еще тогда он старался не пропустить этот волнующий момент, когда две подружки приходят со своей стиркой на мостки, глаз не мог оторвать от этой такой естественной, такой природной красоты.

Кто бы ему сейчас сказал, что года не пройдет, как он привезет юную красавицу в город, и свадьба будет пышной, и стакан он разобьет с одного раза, и на руках его и красавицу Мали пронесут по всему залу, как принца и принцессу – не поверил бы! А оно все так и вышло. Только сначала был другой праздник.

В рекреационном зале юридической коллегии выпускники жмутся друг к другу в ожидании торжественной церемонии. Ректор в шелковой мантии приглашает публику занять места. Публика – это папы-мамы, друзья и преподаватели, видные юристы – адвокаты и судьи.

Ректор выходит к кафедре:

– Сегодня мы выпускаем из этих стен новую смену, будущий цвет юридической мысли, пожелаем нашим юным теперь уже, можно сказать, коллегам большого светлого пути и большого личного успеха.

Зал взрывается аплодисментами, а потом их начинают вызывать по одному и вручать дипломы.

– Исаак Спивак, – вызывает ректор.

Ицик взмокает, покрывается девичьим румянцем, но храбро идет к кафедре, как к амвону в синагоге. Ректор вручает ему свернутую в трубочку бумагу, перевязанную голубой лентой и скрепленную красной сургучной печатью, жмет руку, желает успеха, при этом жалостливое выражение лица выдает его мудрое понимание реальности.

А вот родители от счастья совсем растаяли, шутка ли – сын адвокат, не подвел фамилию. Дед – цадик, известный человек в городе, отец, слава Богу, тоже с профессией – преподает математику в коммерческом училище, старшие дети давно устроены. Первенец учился в Германии, теперь практикующий врач, обосновался, правда, в Австро-Венгрии, в городе Зальцбурге, далеко, зато прочно стоит на ногах. Дочка удачно замуж вышла, они с мужем держат аптеку в польском городе Белостоке. Теперь вот и младшенький, мизинец, на пороге блестящей карьеры.

Домой возвращаются с шиком, на извозчике.

– Теперь тебе надо подумать и о личной жизни, жениться пора, – в ужасе слышит дипломированный юрист.

Жениться? На ком жениться? Зачем? Паника сбивает дыхание, но в это время Ицик уже слышит собственный рассудительный ответ:

– Сначала надо определиться – где служить буду, где жить, а эти дела подождут.

В этом он весь, таким же и останется до конца жизни

Исаак Спивак, гражданин города Киева, вполне законный, с видом на жительство, теперь уже адвокат со стажем, частный поверенный с практикой, достаточной, чтобы содержать семью – жену и трех дочерей. Годы ушли на это, а его Мали все так же хороша, как тогда, на пышной еврейской свадьбе, как раз на Новый год, да что там, на новый век – двадцатый. Все люди, сколько их есть на белом свете, праздновали наступление двадцатого века, фейерверки не утихали всю ночь, а ему и его Мали тогда казалось, что это все для них двоих, что все празднуют их торжество.

Годы обходят стороной его красавицу – светлые кудри нимбом над крутым лбом, темные, почти черные глаза с искрами, рубенсовские формы после четырех родов стали еще заманчи-

вее. Горе, конечно, не обошло их: был сын, и вот уж сколько времени Мали его оплакивает – не уберегли первенца. Не бывает счастья без горя. А дочери все три как на подбор, одна другой краше, вот-вот заневестятся. В общем и целом жизнь Ицика удалась, устоялась, четко оформилась. Клиентов хватает, жена – вот она, верная и преданная еврейская жена, хорошая хозяйка, любящее сердце. Квартира в центре, вполне достойная для человека его положения.

Вот только Мали, потеряв сына, как-то враз с Богом поссорилась. Раньше по праздникам вместе с мужем в синагогу ходила, до самой двери под руку. В пятницу вечером накидывала на голову кружевную косынку, укрывала скатертью свежую халу, зажигала свечи. Теперь перестала.

– Мальцы, зиселе, ты, похоже, Всевышнему совсем от дома отказала – свечи не зажигаешь, в субботу, как в будний день, то печку затопишь, то за покупками наладишься. Мне не мешает, но что люди скажут?

Ицик не лукавит, он еще со времен учебы в коллегии привык считать себя либералом, старается не упустить новые веяния, прислушивается к политическим событиям. Бывает, заглянет на какое-нибудь разрекламированное в прессе собрание либералов-ниспровергателей. Там говорят дельные вещи – о всеобщем благоденствии, социальной справедливости. Понятно, что не очень реально, зато красиво. И частный поверенный Исаак Спивак вполне искренне одобряет новые идеи и искренне верит, что вот придут новые, молодые силы, и жизнь станет совсем другой, чистой и доброй. При этом он очень оберегает от любых поползновений свое свободолобие и независимость, дорожит своими прогрессивными принципами, не терпит контроля над собой – куда пошел, где был, когда вернулся. Человек он по натуре деликатный, муж внимательный, да и Мали понимает свои задачи, свои обязанности, потому свободу Ицика не ущемляет.

Но все эти принципы и постулаты отступают на дальний план, как только приезжает из Махновки теща Дебора, мать Мали. Она появляется на своей бричке, тяжело нагруженной мукой, маслом, сырами, круглыми ковригами белого пшеничного деревенского хлеба, потрошенным гусем, медом и деревенскими яблоками. Размашистым шагом несет в дом свою поклажу – перевесив через плечи, как коромысло, широкий мягкий ремень, с двумя огромными узлами на концах, не позволяя себе отдышаться на лестнице между этажами, втаскивает все привезенное в прихожую и только там тяжело опускается на табурет:

– Все. Дальше – сами.

Мали бежит во двор, обнимает за шею лошадку Луньку, сует ей в мягкие губы осколочек сахара, шепчет ей в ухо добрые глупости, привязывает к старой черешне – так все в их дворе делают, кто на лошадях приезжает, потом вихрем взлетает к себе и начинает разбирать гостинцы. О, как хорошо, свежая мука, нового помола, можно яичную лапшу замесить – у Мали почти уже кончилась прошлогодняя. Гусь какой жирный, надо шкварки выжарить, жир отцедить, да посолить покруче, чтоб не прогорк... Все нужное, все вкусное. Большое подспорье даже для бюджета частного поверенного. Ицик неплохо зарабатывает, и вид на жительство у него уже постоянный, но чтобы получать все это, надо быть в дружбе с руководством коллегии, а такая дружба – дело дорогое, требует больших расходов – то в клубе, то у себя дома надо застолья устраивать, веселить коллег и начальство.

И Ицик, хоть и смущается, что к лошади приблизиться не рискует, искренне рад теще, спасибо, пусть еще приезжает, места в квартире хватит. Да и пока она гостит, Мали душу отводит – нет конца их разговорам про Махновку, про мельницу, про деревенскую подружку Галу, про брата Залмана, он уже наконец женился, жену взял красавицу Лею, из хорошей семьи, теперь первенца ждут.

– Мамале, роденькая, как же я по вам по всем соскучилась! Ну, рассказывай скорей, как дома, как мельница, как Залман? – Мали торопливо задает свои вопросы, а руки ее еще

быстрее собирают на стол – фарфоровый чайник, свежие булочки с маком, вазочка с красной икрой, черную Ицик не разрешает – не кошерно.

– Та все у порядке, доню, дом на месте, речка бежить, мельница колеса крутить, жернова не стерлись. Залман наш на свою Лею не насмотрится, русалкой называет. А она, бедняжка, так тяжело беременность переносит. Живот огромный – через месяц с небольшим ждем. Так она спешить все подготовить – пока Залман с отцом на помолу занят, сама комнату побелила, сама все подушки-одеяла во дворе развесила, выветрила. Я сто раз говорила ей – побереги себя, тебе много сил еще понадобится. Нет, не слушает. Спасибо, хоть Гала твоя, бывает, забежить, то Лее поможет, то просто добрым словом перемолвится, хорошая девочка, а какая красавица! Они с Леей даже чем-то похожи. Ну, ясно, что не теперь, теперь наша Лея – живот и глаза... Хотя бы уже родила скорее, и мне спокойней будет, и Залман в берега войдет, а то он сам с собой не управляется из-за своей любви и заботы.

– Не волнуйся, мама, все будет беседер. Ты рожала, я рожала – все рожают и ничего. И Лея родит. Ты как думаешь, кто будет?

– По-моему, мальчик. Живот прямо торчком стоит, и она от кадушки с солеными огурцами далеко не отходит.

– Ну, и хорошо, а то у меня одни невесты.., – Мали на мгновение темнеет лицом, тенью пробегает мысль о том, что и у нее были не только невесты, незабвенный сыночек, как живой, перед глазами. Но надо держаться.

– Скажи мне, мама, а у самой Галы как жизнь? Так хочется ее повидать. В последний раз, как была дома, мы даже не поговорили, как следует, так, парой слов перебросились. Что с ней? Или меня забыла или знать не хочет?

– Забыла-не-забыла – не знаю, не скажу. Только ей, бедняжке, не до тебя: хлопцы ее совсем от рук отбились, неслухи и бузотеры. Гала, бедная, людям в глаза смотреть стыдится, бо они вже всех допекли, что местечковых, что деревенских – и пьют, и сквернословят, и на мать руку поднять уже пробовали. Павло сколько раз с ремнем в руках за ними по улице гонялся, да все без толку. Одна польза: на своих обормотов глядя, сам пить перестал, видно, совесть заела, как со стороны увидел, кого вырастил.

– Ну, хоть так. Они же еще сопляки совсем, может, подрастут – ума наберутся.

Ицик понимает – мать с дочерью разве наговорятся? Вот и не мешают им. А сам, посасывая глиняную трубку, поглаживая себя по гладко бритой голове, предвкушает: вот теща уедет домой – и он выберет одну из привезенных ею пышных белых ковриг, нарежет толстыми ломтями, сложит в свой адвокатский портфель и пойдет рано утром к солдатским казармам. Это одноэтажные строения в двух кварталах от их дома, окна на высоте груди человека, на его стук форточку откроют, уже знают его. И он обменяет пышные пшеничные ломти на черный, ржаной, с хрустящей коркой солдатский хлеб. С тещиним деревенским душистым маслом – самое то, Ицик толк в еде знает. Он удобно устроился в любимом кресле, укутал ноги толстым пледом, засмотрелся на любимый ковер на стене – зеленые розы на белом поле, и так размечтался о вожденном бутерброде, что, кажется, даже почувствовал аромат свежего масла. Что правда, то правда, вкусно поесть Ицик с детства мастер. А Мали знает его слабость и только посмеивается, когда он, возвращаясь из суда или из конторы – кабинет у него в конторе, он дома не работает – начинает приноживаться:

– Что у нас сегодня на обед, *зиселе*? А когда будут гусиные шкварки? – и усы его при этом смешно топорщатся, как будто тоже приноживаются.

А его *зиселе*-сладенькая, его Мали, Мальци, Малка, Мария Менделевна на русский лад так и не научилась быть адвокатской супругой, городской дамой, грустит о своей Махновке, о мостках на речке, где ее заметил Ицик и потом увез, скучает по своей подружке.

Гала пошла под венец в тот же год, что и Мали. Самый красивый парень в местечке кузнец Павло ей достался. Знал, шельмец, как девчонки по нему сохнут, потому не спешил, выбирал

с пристрастием: чтоб справная была, да с приданым, да чтоб пела хорошо, да чтоб вышиванки носила самые красивые... Ну конечно, мимо Галы разве пройдешь – она и тогда была лучше всех, да и по сегодня в местечке самая красивая, самая веселая, самая звонкая. И самая лучшая подруга. Павло, ясное дело, не подарок – и пьет, и по пьяному делу жену поколачивает, да она все терпит – потому что любит и потому что растит двух сыновей-шалопаяев – старший Василь, младший Дмитро – неслухи, но хороши собой и крепкие, не сглазить бы. Всякий раз, как Мали приезжает в Махновку, они с Галой наговориться не могут, столько всего в жизни происходит, кто поймет так, как подружка! И они, теперь уже вполне зрелые, семейные женщины, как девочки, бегут к заветной скамейке под кустом сирени, спешат выговориться друг дружке.

Гала, бывает, пожалуется – кому ж еще душу откроешь, как не подруге. Случается даже синяки показывает. Но хозяйством своим гордится, дом у нее крепкий, достаток надежный, муж, пусть и пьет, но в своем деле мастер, все знают. Так что жизнь получилась.

Раньше Мали, бывало, как приедет, забегала к подружке – посмотреть, как живется, какие новые рушники вышила, какими цветами и птицами печку расписала.

Мали тоже есть, что рассказать: о том, как в городе непросто, о дочках-красавицах, о том, как с ними на Днепр ходит, учит плавать, а они никак. А больше всего – о своем сыночке Гирше, светлая голова, большим человеком мог стать, да не судьба. За два года до бар-мицвы река забрала его и не нашлось живой души помочь! Если бы Мали была рядом! Она Днепр туда-обратно без отдыха переплывает. Но Мали рядом не было, никого не было.

– А Бог – он где был в тот момент? Я ему не простила, больше с ним и не говорила ни разу, и не прощу никогда, раз он такой оказался.

Гала при этих словах пугается, начинает креститься и подругу успокаивать:

– Не грехи, Мали, это судьба, а против судьбы, сама знаешь...

Но Мали и без нее понимает: все равно надо жить, дочери у нее, муж, дом и родные на мельнице, и всем им она нужна.

А особенно теперь, когда время такое зыбкое наступило. Дочки утром уходят в гимназию – пока их домой дождешься, все глаза в окно высмотришь. И муж, ее Ицик, после работы частенько не сразу домой спешит – все какие-то собрания, митинги, поди проверь, где он время коротает. Правда, ему это все бурление на самом деле нравится, он и дома за обедом любитель порассуждать о том, что общество требует обновления, новые идеи должны проложить себе дорогу. Мали новые идеи мало волнуют, ей лишь бы только дома, в семье было все в порядке, а для этого новые идеи совсем не нужны. Вот новый диван – это Мали понимает, радуется, когда в доме, наконец, появляется этот диван, мягкий, большой, с высокой деревянной спинкой, с полочкой, на которой можно расставить статуэтки, или цветы, или вазочку с конфетами, хотя, конечно, Ицик положит там свои журналы-газеты-блокноты. Ладно уж, все мужчины до старости дети, пусть бегает на свои митинги, потом ведь все равно домой идет. Это лучше, чем у Галы. Мали привыкла принимать жизнь, как она есть, лишь бы без резких поворотов.

Только на самом деле так не бывает.

Телеграмму принесли, когда Мали была одна дома. Прочитала – и обмерла. Сообщение из родной Махновки, но не от своих, из местечковой управы. Непонятно, что случилось, но ясно, что беда и ей надо срочно домой. Она так себя и услышала – «домой», будто не было этих полутора десятков лет в городе, с мужем и детьми. Даже совестно стало, Ицик бы обиделся, подумала Мали, а руки уже собирали баул в дорогу. И Мали всю дорогу, забыв о своей давней ссоре со Всевышним, молилась, чтоб все было хорошо.

Но все было плохо. Убитых из дома уже унесли, и первое, что увидела Мали, была стена, покрытая красно-белым крапом: это было месиво из крови и мозгов – то, что осталось от ее невестки Леи, жены брата Залмана. Она, на восьмом месяце беременности, когда бандиты ворвались в дом, бросилась вперед – хотела защитить мужа и его родителей, а может, подумала, что увидят ее живот и отступятся. Не выжил никто. А два молодых красавца, рожденные

и возвращенные тут же рядом, в Махновке, и не думая прятаться, переступили через убитых и, оставляя кровавые следы своими сапогами сорок последнего размера, отправились прямо в шинок: видно, добыли-таки какие-то деньги в доме или в лавке. Там их и взяла полиция по горячему.

Мали при виде этой кровавой картины не упала, окаменела, судорожно вдохнула, а выдохнуть не смогла, осталась с открытым ртом и сомкнутыми глазами, и два ее передних зуба – два белоснежных молодых резца с кровью брызнули изо рта туда, на кровавую стену с такой силой, что остались в стене, в мягкой штукатурке, и кровь Мали смешалась с кровью Леи.

Судебное заседание проводилось тут же, в местечке – выездная сессия. Ицик присутствовал, но только как зритель: родственник, конфликт интересов. Людей собралось много – можно сказать, все село – и деревня, и местечко. Опухшая от слез Гала в черном платке глаз от земли не отрывала. Павло рядом – чернее тучи. А два красавца с любопытством рассматривают судью, присяжных, адвоката – полная команда прибыла из столицы. Собственно, доказывать ничего не пришлось, и так никто не сомневался, что это кузнецово отродье – их в селе иначе и не называли, да они и сами не отказывались, признали, что их рук дело, хоть видно было, что сожаления не испытывают. И потому сразу, как секретарь суда изложил суть дела, Гала поднялась со скамьи и горько в тишине сказала:

– Цэ ж мои сыны, я йих народыла та й годувала. Накажить обох по закону, а мэнэ вбийте, я бильше всих винувата. И ты, Мали, мэнэ забудь навики, нэма мэни оправданья. Значить, трэба, щоб и мэнэ не було, – от волнения она совсем языки перемешала. Замолкла и побрела прочь, не отрывая ног от пола.

Гулкий ропот сменил мертвую тишину:

– За решетку их, нелюдей!

– Вон с нашей земли, звери!

– В Сибирь вурдалаков!

– Чтоб им земля разверзлась!

– Судить по всей строгости негодяев!

– Не прощать убийц!

Так высказалась украинская община. Так решил суд: обоих за убийство и грабеж сослали в каторгу в Сибирь. Навечно, без права помилования.

История распорядилась по-другому.

Мали больше никогда не приезжала в местечко, но знала, что Гала такого горя не пережила: дождалась холодов, затопила на ночь печку и перед сном тщательно закрыла вьюшку. Наутро нашли ее с мужем уже холодных. Только их хата недолго пустовала.

За всеми горестями Мали как-то ухитрилась совсем не заметить, что делается на свете. А на свете делалась революция. Уже великая октябрьская – которая в ноябре. Потому убийцы ее близких, не прошло и трех лет, вернулись в родное село комиссарами в буденовках со звездами, вернулись в родительский дом с благородной целью – представлять советскую власть, насаждать высокие духовные идеалы, строить светлое будущее в родной Махновке.

Но светлое будущее хоть в местечке, хоть в городе приходится строить только на обломках темного прошлого – сначала сломать, а там видно будет.

Обломки адвокату Ицику Спиваку совсем не понравились. Да и кому понравится: спать ложишься при одной власти – встаешь при другой. Налаженный за долгие годы быт трещит по всем швам и без швов, по ровному месту. Работа? Какая может быть работа у частного поверенного, если суд вершится не по закону, а в соответствии с революционным самосознанием? Сколько красивых, возвышенных, справедливых слов слышал он совсем не так давно на митингах и собраниях, сколько сам написал гневных и страстных памфлетов в свободной прессе в защиту угнетенных и обиженных! И что? Вспоминать теперь, как он всерьез рассуж-

дал, сидя в любимом кресле, чем солдатский хлеб лучше деревенского? Так ни того, ни другого давно уже в глаза не видели. Адвокат Спивак приносит домой продуктовый паек: кулечек чечевицы, кулечек сухого гороха, пол-литра постного масла. А за керосином надо два часа в очереди стоять. И еще того хуже – преступники, убийцы, он своими глазами видел, что они сотворили с семьей его жены, стали комиссарами, это они теперь решают, какое будущее надо строить. Вот уж с этим частный поверенный Исаак Спивак, либерал и гуманист, никак примириться не может. Нет, на таких обломках светлое будущее воздвигнуть не получится.

Надо что-то делать, спасти семью, искать решение. Хорошо хоть почта пока работает исправно. Ицик по натуре не созерцатель, он человек деятельный, потому, проведя в размышлениях не одну бессонную ночь, изучив малейшие неровности и трещины в потолке своей спальни, в одно прекрасное утро он отправляет старшему брату хитро составленное письмо – вроде бы ни о чем, но брат, если захочет, поймет.

«Дорогой мой Меир! Давно не писал тебе, ты уж извини – много дел, не все успеваю. Мы живы-здоровы, но очень беспокоимся за тебя. Как ваша жизнь? Спокойно ли у вас? Как питаетесь, всего ли хватает? Как с работой? Хороший ли у тебя дом? Как дети успевают в учебе? Какие у них перспективы на будущее? И у тебя самого? Если нужна помощь, не стесняйся, пиши, я сделаю для тебя все, что в моих силах. Очень жду ответа, твой брат Ицик».

Ждать долго не пришлось, Меир понял все правильно и ответил практически сразу:

«У нас все в полном порядке, приезжай, убедись сам».

Что и требовалось Ицику, он тут же отправился в дорогу.

И уже довольно скоро, если принять во внимание беспокойные времена, Мали получила телеграмму от мужа. Читали всей семьей: Мали просто не могла прочитать латинские буквы, но не зря же у нее три гимназистки в доме. Старшая, Рина, строгая библейская красавица, в свои 16 лет, как только за отцом дверь закрылась, сразу стала всячески проявлять ответственность: то младшим указания дает – что надеть, да куда не ходить, то и матери остороженько пытается посоветовать, что и как делать, что кому говорить. Мали только посмеивается: пусть привыкает, вот найдет свою судьбу – ей дом вести, опыт пригодится. Средняя дочь Лиза, тоненькая, хрупкая, как фарфоровая безделушка, за старшей сестрой, как хвостик, смотрит на нее своими голубыми огромными глазами с доверием и обожанием, ни на шаг не отходит. Младшенькая Фирочка, на пурим родилась, потому так называли, совсем еще дитя, но без нее в доме ничего не обходится.

– Держись за мою юбку – не потеряешься, – шутит иногда Мали, но какие тут шутки, малышка всегда рядом, встряхнет своими туго заплетенными косичками, сунет свой курносый носик в самую гущу событий и ждет, что из этого выйдет.

Телеграмму принесли ближе к вечеру, как раз собирались чай пить. Старый медный самовар пытит на краю стола, хлеб нарезан тоненькими ломтиками и круто посолен, в сахарнице мелко колотый сахар, последний. Больше ничего в доме нет, и что завтра будет – одному Богу известно.

– Ну, давай, читай, что ж ты, – теребят старшую сестру все разом.

Она торжественно разворачивает листок и читает русские слова, написанные латинскими буквами:

«Все вопросы решаются положительно, ждите меня, готовьтесь».

– И что это значит? – взмахивает крылатыми ресницами Фирочка.

Рина делает серьезное лицо, чтобы все толком объяснить несмышленной малышке, но тут раздается звонок в дверь.

Мали достает из кармана свою дивной красоты вставную челюсть – после трагедии в Махновке пришлось обзавестись новыми зубами, да вот привыкнуть к ним ей так и не удалось, она с тех пор шепелявит, челюсть носит в кармане и пользуется ею, только когда в доме посторонние. Вот они, посторонние, на пороге: три молодых парня, ясное дело, то ли петлюровцы, то ли

махновцы, с одного взгляда видно, что бандиты. Оттолкнув Мали с дороги так, что она отлетает к противоположной стенке, налетчики врываются в комнату и видят славную картинку: как раз три красавицы за столом и защитить некому. Гогоча и топя сапогами по паркету, они устремляются к столу, к сестрам, уже оглядывают, раздевают глазами, плотоядно осклабясь, тянут растопыренные пальцы с черными ногтями. И тут Мали, подняв руки над головой, вырастает перед ними, словно становится вдвое выше самой себя. Откуда сила взялась, как память нашлась мгновенно. Нет, она не бьет никого, в руках у нее ни ножа, ни топора, но, собрав в своем голосе всю материнскую силу, Мали, наступая грудью на обидчиков, грозно произносит давно забытое: «Шма, Израэль!», и голос ее звучит так яростно, что парни замирают на мгновение. Но тут же один из них, видимо, старший, прыжком достигает стола и огромным своим кулачищем бьет по столешнице. Чашки от удара подсакаивают на блюдах, ложечки звякают. И вдруг откуда-то из нутра стола со звоном выпадает то ли узелок, то ли мешочек, и по паркету рассыпаются золотые монеты, сережки, которые Мали давно искала, цепочка, когда-то мать подарила в день рождения, и еще, и еще... Все драгоценности, накопленные за целую жизнь не одного поколения. Ясное дело, Ицик, никому не сказав, припрятал на еще более черный день все, что стоило хоть каких-то денег.

Три героя самоотверженно бросаются на пол и при свете керосиновой лампы, яростно отталкивая друг друга, елозят по паркету, собирая неожиданно свалившийся на них золотой дождь, на карачках ползут до самой печки, куда монетки покатались...

Мали тем временем хватает дочерей в охапку, заталкивает их в кладовку, запирает и задвигает перед дверью старый кованый сундучок – все это мгновенно, как бывает, когда край.

Но можно было и не торопиться: бандиты, разгоряченные видом золота, уже забыли про другую драгоценную добычу и шумно уходят из дома, ногами распахнув дверь на лестницу. Мали грузно опускается на пол, но тут же вскакивает, деловито запирает дверь на ключ и на цепочку и только после этого выпускает своих пташек. Девочки стараются унять дрожь, но у них не выходит, зубы стучат, как нагишом на морозе.

– Все, девочки, успокойтесь, все живы-здоровы, ночь за окном. Спать пора, будем теперь ждать папу, – подытоживает день Мали.

Месяц ожидания тянется, как год. Нет, как целая жизнь. Потом приходит письмо – не из Зальцбурга, из Белостока, от Бузи, сестры Ицика.

«Мали, дорогая, скорблю вместе с тобой: ты потеряла мужа, я – брата. Ицика больше нет с нами. На пути за вами от Меира он заглянул ко мне повидаться и, наверное, в дороге заразился „испанкой“. Я сделала все, что в человеческих силах, но от судьбы не уйдешь. Горе. Будем молиться, чтоб ему было хорошо на небесах».

Мали горевала недолго, всего несколько минут. Она просто не поверила этому письму. Молча сняла со стены портрет мужа, поставила в платяной шкаф, внизу, где туфли стоят. Там он и остался жить, этот портрет, можно сказать, навсегда. А потом молча собрала маленький узелок – хлеба, соли, луковицу и бутылку воды. Нашла в шкафу белую деревенскую косынку, повязала голову по-крестьянски. Дочерям наказала: одну ночь без меня переночуйте, никому не открывать дверь, как будто вас нет дома. Никуда не выходить, как будто вас нет на свете. Завтра вернусь – начнем жить дальше.

Дорога у Мали лежит неблизкая, но она так занята своими мыслями, что и не заметила, и не запомнила, как добралась до реки, связала в узелок одежду и, держа над головой всю свою поклажу, переплыла Днепр, немного обсохла на берегу, снова оделась и побрела дальше. Горькие мысли заполнили ее душу до самого края. Не мог ее Ицик вот так бессмысленно уйти из жизни. Видно, из ее жизни надумал уйти. И то сказать, что это за жизнь для такого человека, как Ицик, – образованного, уверенного в себе, привычного к раз и навсегда установленному порядку. Работать за кулек пшена? Каждое мгновение опасаться окрика про очки

и шляпу? Горбиться от чувства ответственности за семью? Кто это выдержит и кто его осудит? Для него и в добрые времена свобода была дороже любви, не зря он так легко сбегал на митинги-собрания, а то и просто в клуб – кто теперь проверит? Нет, просто Ицик решил начать другую жизнь – так окончательно решила Мали, и эта жестокая догадка разбавила ее горе гневом и обидой. За всеми своими горькими думами Мали и не заметила, как добрела до ворот лавры.

Она уже была здесь однажды, давно, когда судьба отняла сына. Двое суток без еды и воды бродила по лабиринтам подземелья. Онемев от горя, не отзываясь ни на чьи оклики, не слыша обращенных к ней слов, выглядела, как глухонемая паломница. Только пришла она сюда не в поисках Бога, не за новой правдой, а словно бы сошла в преисподнюю. Здесь ничто не напоминало ей о прежней жизни, здесь был рубеж, порог другого мира, и Мали вышла из лавры, оставив там, в подземелье, стон своей души, готовая начать чувствовать новую боль и новую жизнь.

Вот и теперь она шла за тем же. Немолодая уже женщина, в деревенской хусточке, льняной блузе и сборчатой деревенской юбке Мали выглядела совсем как украинка. Пока молчала. И она снова, как в тот раз, побрела среди мощей и фресок, не видя ничего перед глазами, не слыша колокольного звона, не вспомнив ни разу, что в узелке у нее есть хлеб и вода, словно глухонемая или безумная. А когда совсем сил не осталось, свернулась клубочком на траве, прислонившись широкой спиной к теплому, нагретому солнцем валуну и то ли уснула, то ли выключила сознание, как выключают электричество. И мыслей больше никаких не осталось. Долго ли продолжалось это небытие, Мали не знает, но только когда она вернулась домой, дочери сидели у стола, нахохлившись, как испуганные птенцы, а увидев ее живую, в голос разрыдались все вместе.

– Дочери мои, – торжественно произнесла Мали, даже встала со стула по такому случаю и строго посмотрела на свой цветник. – Вам жизнь строить, посмотрите на меня. Не ищите красавца, не ждите принца на белом коне. Пусть будет на извозчике или даже на своих двоих. Но пусть будет ровня и любит вас больше, чем себя и свои удовольствия.

– Все ты выдумала, папа не такой! – горячо вступилась за отца Рина.

– Папа не такой, – эхом отозвались младшие.

– Я знаю, что говорю. Сердце не обманешь, – жестко пресекла все споры мать.

Она так до конца жизни и не поверила в смерть мужа, хотя никаких следов его существования никогда никто не обнаруживал, зато сразу приняла его исчезновение как измену и не забыла обиды до последнего вздоха своего.

Мали дала девочкам немного поплакать, не слишком долго, только чтобы не раскисли, а потом поднялась, выпрямила спину и объявила свой вердикт:

– Погоревали – и хватит. Идем жить дальше.

Легко сказать! А как жить? Где взять денег на хлеб, на дрова, на керосин? Чем платить за учебу? Голову сломаешь.

На самом деле в жизни все как-то устраивается. Первой нашла работу Рина.

– Хорошая такая работа, сладкая. В кондитерской на Крещатике, – радостно сообщила она дома.

Красавица Рина, русоволосая, с медовыми глазами и бровями вразлет, с тонкой талией, стройная, высокая, неплохо образованная – лучшая частная киевская гимназия дорогого стоит – похоронила все свои девичьи мечты и пошла продавать шоколад, чтобы в доме хлеб был. И никогда ни слова жалобы или обиды.

А спустя еще пару лет и средняя дочь Лиза свою судьбу определила. Для начала пошла секретаршей в какую-то контору, стало чуть легче, тем более что Мали приспособилась давать домашние обеды: трое-четверо одиноких старых евреев приходили на ее «изысканный обед». Обычно это был луковый суп, честно скажем, совсем не то, что предлагает французская кухня,

просто похлебка из лука и картошки, чуть забеленная молоком и сдобренная черным перцем, да каша на воде с каплей масла. Но и такая малость помогала держаться немощным старикам, а Мали, хоть и не зарабатывала на этом гешефте, зато чувствовала, что не зря коптит небо. Один из ее постоянных клиентов бездетный вдовец Моше Табачник со временем совсем обнищал и одряхлел, остался без единого зуба. Он так до конца жизни и приходил в обед к Мали, и она, как бы ни было скудно в доме, находила для него пару ложек манной каши и кусочек масла. А потом он исчез. Как говорится, по естественной причине.

А жизнь по этой самой естественной причине продолжалась, как она продолжается всюду и во все времена. Рина по-прежнему украшает собой кондитерскую. Лиза расцвела, заневестилась и вскоре вышла замуж по вполне жаркой и взаимной любви за веселого, доброго, очень интеллигентного молодого человека и вместе с ним уехала по комсомольскому призыву строить социализм. Только жизнь распорядилась так, что довести свое благородное дело до финала ей не удалось. И вовсе не из-за невыполнимости идеи, нет. Хрупкая, фарфоровая Лиза раньше срока выбилась из сил, надорвалась, а может, заразилась, и первая же простуда обернулась тяжелой и бурной хворью, тогда это называли совсем как в дамских романах – скоротечной чахоткой. Умиравшую, муж привез ее обратно в Киев. А когда схоронил, совсем растерялся. Каждый день он приходил в дом с бутылкой самогона, заткнутой сухим кукурузным початком, и почерневшая от нового горя Мали ставила на стол хлеб, селедку, картошку в мундирах и два граненых стакана. Они молча выпивали горькую чарку, и Мали, подперев голову кулаком, сухими глазами смотрела, как текут слезы по щекам зятя, а потом укладывала его спать на диван с высокой деревянной спинкой. Это повторялось изо дня в день какое-то немалое время, но постепенно он стал приходить все реже, а потом и совсем исчез из жизни семьи. Даже имени не осталось.

И маленькая Фирочка, пришло время, выросла, спрятала все в тот же бездонный семейный шкаф свой аттестат зрелости, работать пошла в среднюю школу – гимназии уже совсем отменили – секретарем-делопроизводителем. Повязала красную косынку и стала пропадать на комсомольских собраниях. В свободное время с лучшей подружкой Мурой и другом детства, соседским Борькой Либензоном, они бегали на все поэтические вечера и на все комсомольские маевки. Кончилось дело, как водится, замужеством. Нет, Борька тут совсем ни при чем, все из-за подруги Муры. Она позвала Фирочку съездить на выходные к родственникам в провинцию.

– Мама, можно я поеду? Мура к своей тете зовет. Ты же Муру знаешь, что может случиться?

– Ничего не может. Но приличные девушки в чужой дом с ночевкой не заявляются.

– Мама, ну какой же он чужой? Это родная тетя моей подруги. Ты же знаешь маму Мурки, так это ее родная сестра. А муж ее, Муркин дядя, – он вообще раввин...

– А грейсе нахес, раввин, – насмешливо пробурчала Мали, но отпустила свою младшенькую в первый раз в жизни с ночевкой из дома.

Через пару дней девушки вернулись домой вполне довольные. А вскоре неизвестно откуда, как чертик из табакерки, появился этот высокий синеглазый парень, молчаливый и не улыбочивый, судя по его круглому «эл», родом откуда-то из Польши. Как потом подтвердилось, из самой Варшавы, только давно еще, до революции, в детстве привезенный на Украину. Появился – и Мали сразу поняла: не стоит тратить силы отваживать, этот пришел навсегда. Как ни старался друг детства Борька, все зря, он так и остался другом детства и с годами превратился просто в фотографию в семейном альбоме. А синеглазый Адам Белецкий пришел – и остался.

Никто не собирался создавать семейную традицию, простое совпадение: они поженились, так же как Мали с Ициком, на Новый год. Только хупы уже не было, и никаких фейерверков,

просто ЗАГС, а потом семейный ужин, скорее, даже просто чаепитие – самовар, горячие булочки с маслом, варенье в фарфоровых розетках.

В маленькой комнате со старинным ковром на стене – зеленые розы на белом поле, с платяным шкафом в углу и кроватью с железными хромированными шариками зарождается новая семья. Утром Адам уходит на работу в обувной магазин, целый день за прилавком, а вечером после работы спешит, как на работу, в театр. Один, без молодой жены. Мали никак не может понять:

– Разве так живут молодожены? Почему ты соглашаешься? Какой может быть театр, когда молодая красавица-жена одна дома? Где такое видано?

И сколько Фирочка матери не объясняет, что это совсем не то, что мать думает, что театр – анатомический, и Адам там не развлекается, а учится на врача, Мали, все принимая и со всем соглашаясь, в душу нового зятя не впускает. Не скандалит, конечно, да и не с чего, живут мирно, хотя трудно. Фирочка иногда робко замечает мужу:

– Пока ты профессором станешь, жизнь кончится, а мы с тобой и не заметим.

Адам рассудительно успокаивает:

– Если не учиться, она все равно кончится, так что не жалея. Поверь мне на слово, лучше быть женой врача, чем женой продавца ботинок. Во всяком случае, полезнее для здоровья.

С детских лет Адам мечтал о профессии врача. Сначала это были детские представления – сделать так, чтобы мама с папой были всегда и оставались молодыми и веселыми. С возрастом его мечтания становятся более осмысленными. Юность Адама Белецкого пришлась на жестокое время. В революционные годы, в короткий период его комсомольской активности чехарда властей, девальвация духовных ценностей и даже самой цены человеческой жизни – все это привело Адама в продотряд. Вместе с такими же энтузиастами он ездил по деревням в поисках лишнего хлеба у хозяев – такой тогда придумали безнадежный способ накормить голодных. Кончилось бедой: группа юных революционеров попала в руки бандитов, особых разбирательств не было, их просто поставили в ряд на краю песчаной осыпи и без долгих разговоров постреляли одной очередью, мальчики и осыпались в яму, зиявшую за их спинами. А довольные патриоты неньки-Украины поспешили убраться, пока красные их не поставили на том же обрыве. Адам упал в яму на миг раньше, чем пуля настигла. Отлежался, выбрался из-под тел товарищей и побрел домой. Ему было тогда 19 лет. Его рыжая густая шевелюра стала серой – проседь появилась за часы, проведенные среди убитых. Левый глаз, как шутил сам Адам спустя годы, сменил ориентацию – появилось легкое косоглазие и осталось навсегда. К чести Фирочки, она этого просто не замечала, видела только редкую васильковую синеву его взгляда и пышную шапку волос. Вот тогда он и понял, что нет в мире дела важнее, чем врачевать тело и душу человека. Все прочие грани жизни казались Адаму некими дополнениями к главной задаче, ценными, но не обязательными переменными. Он весь заострен на медицину фанатично, стремится овладеть всеми тайнами профессии и искренне убежден, что врачевание – это не только набор знаний и умение их применять, но и специфический характер, особый отличительный образ жизни, некое посвящение свыше.

И он упорно каждый вечер, едва успевая перекусить после работы, бежит на лекции или в этот самый театр мертвецов, который так не одобряет теща.

Впрочем, вскоре теще становится некогда забивать себе голову проблемами зятя. Живут себе, любятся – пусть их. А тут старшую дочь красавицу Рину высмотрел в кондитерской за кассовым аппаратом солидный жених, врач-стоматолог Илья Вороновский. Не очень, правда, молодой, вдовец уже и с двумя детьми, но и невесте давно не 17 лет, а из приданого у нее только и есть, что доброе имя. Да и очередь из влюбленных рыцарей как-то не просматривается, видно, белых коней своих растеряли по пути к ней, так что выбирать не приходится. Свадьбы особой и тут не затевают, расписались в будний день в ЗАГСе и молодая жена переехала к мужу в обжитую другой женщиной квартиру, но работу не бросила, по-прежнему исправно

сидит полную рабочую неделю за кассой, выставляя цену чужим сладостям. Дети мужа, два худосочных мальчика – погодки, лет 8 – 9, встретили Рину на редкость приветливо:

– Ты теперь нам будешь вместо мамы? – хором спрашивают они.

– Нет, конечно, мама бывает только одна. Но я буду о вас заботиться, буду вас любить и никогда не буду обижать.

– Ладно, тогда живи, – миролюбиво соглашаются мальчики. А потом, переглянувшись, кивают друг другу, и Рина сразу понимает, что им надо решиться еще что-то сказать ей. Правильно понимает.

– Только ты нас не бей и папе не ябедничай, – решительно сказал, как выдохнул, старший. – И еще, знаешь, только это секрет, – он подошел совсем близко, потянул ее за руку и теплыми губами прошептал ей на ухо: – наш папа о-о-очень жадный, у него кусок хлеба не выпросишь, будь осторожна.

Рина не поверила. Но доктор Вороновский очень скоро доказал молодой жене, что дети у него на редкость правдивые. Если в доме появляется что-нибудь вкусное – шоколадка из кондитерской или куриная ножка, Рина угощает детей в укромном уголке огромной двухэтажной квартиры – они давно уже облюбовали себе закоулок под лестницей, там и устраивают свои маленькие пирушки – мачеха по секрету от родного отца подкармливает мальчиков, как может. Иной раз он застаёт их за этим преступным занятием, тогда вспухает скандал, детей отправляют в их комнату, Рина уходит плакать на кухню, глава семейства запирается в кабинете. А через пару часов выходит с примятой диванным валиком щекой и обиженным тоном требует чаю. Жизнь возвращается в берега.

Увы, хрупкая семейная конструкция длилась недолго. То ли из-за того, что однажды молодая жена ненароком разбила сахарницу из сервиза, то ли любящий папаша заметил, что сыновья бегают за мачехой, как хвостики, только он закатил вселенский скандал с рукоприкладством, и Рина в чем стояла вернулась к маме. Хорошо, что работу не бросила!

Было это ранней осенью, только начался учебный год, мальчики пошли учиться. Дорога в школу и особенно обратно вела их мимо кондитерской, они всякий раз забежали к бывшей мачехе поздороваться, рассказывали про свою невеселую жизнь, и она всякий раз покупала им по шоколадке. Товарки по кондитерской сочувственно качали головами:

– Тебе бы своего такого завести!

– Я попробовала, завод оказался какой-то негодный, – отшучивалась Рина.

А однажды разоткровенничалась:

– Я даже к врачу недавно ходила провериться. Так сказали, что у меня детей не может быть, что-то там не так устроено. Если бы мог быть ребенок, я бы от мужа не ушла, все бы стерпела.

И когда спустя месяц-полтора все вокруг стали замечать, что Рина как-то удивительно похорошела и пополнела, она искренне удивляется вместе с подругами:

– Наверное, потому что кукурузы много ем, она такая теперь вкусная, спелая, так бы и грызла целыми днями.

Но все оказалось на редкость тривиально. Вскоре после Нового года сын родился, назвали его красивым именем Эмиль, но все подружки Рины звали младенчика не иначе, как Кукурузой. Мальчик рос красивый и смысленный. В том же году у него появилась сестричка – Фирочка к весне родила дочку, назвали Линой. Жили в одной квартире, бабушка была на двоих одна, и как-то так получилось, что было у этих двоих детей по две мамы – каждая кормила грудью обоих, гулять возила обоих, одежды и игрушки покупала обоим.

С отцами оказалось сложнее. Рина никогда не препятствовала Вороновскому, он мог приходить к сыну, сколько захочет. Только он не захотел нисколько. Старшие его мальчики по привычке прибегали иногда в кондитерскую, пока братика возили в коляске, бывало, под-

ходили посмотреть на него. Но понемногу стали появляться все реже, а потом и вовсе забыли Рину. Может, их отец нашел другую женщину, а может, просто подросли.

Так что в семье, похоже, оказался как бы один отец на двоих, а вскоре и на троих (спустя неполный год после смерти средней из трех сестер Фирочка родила вторую дочку, назвали, как водится по обычаю, тоже Лизой – в память об усопшей). Адам Белецкий, к тому времени уже «без пяти минут» дипломированный врач, вполне ответственно стал главой семьи, потому сиротой мальчик себя никогда не чувствовал, пока жили одним домом. По выходным Адам все свободное время отдавал детям, ходил с ними в парк или в цирк, сажал к себе на закорки по очереди, покупал игрушки, пел с ними песни. Но это только по выходным. В другие дни женщины как могли оберегали его неприкосновенность. Так уж повелось в этой семье, и Мали, понимая, как все в жизни повторяется, изменить ничего не могла.

Но вот проскочили эти «пять минут», и Адам принес домой торжественно врученный ему диплом врача.

Ах, какой праздник закатила Фирочка! Дети – Линочка и Эмиль устроили целый концерт: они пели «Тачанку», совсем не обращая внимания на укоризненные жесты бабушки Мали. Потом все танцевали вокруг стола и даже пели «Каравай» вокруг доктора Адама, как будто у него день рождения. А потом все сели за стол, и бабушка Мали торжественно разрешила свое коронное блюдо – пирог с печенкой по семейному рецепту, с яблочным пюре и хрустящей корочкой. И даже маленькой Лизе, второй дочке доктора Белецкого, тоже поставили прибор, и она сидела за столом вместе со всеми.

Вскоре дипломированный доктор Адам Белецкий отправляется по направлению в райцентр на Черниговщине, получает должность заведующего районной санэпидстанцией. Он, правда, всегда мечтал людей лечить, но ведь учился на заочном отделении, а значит, это факультет санитарии и гигиены, так что выбирать не из чего. Со временем жизнь доказала, что все сокровенное сбывается, даже если для этого надо пережить потери и страдания.

А Фирочка, теперь уже степенная дама, мать двоих детей, супруга врача, с легким сердцем покидает столицу и отправляется в зеленый городок на речке Остер – райцентр и он же центр семейного рая. Правда, рай этот ей предстоит обустроить в коммунальной квартире, но не в шалаше же!

Фирочке нравится быть самостоятельной дамой, матерью семейства! Нет, она по-прежнему всей душой обожает свою маму, и Мали каждое лето приезжает к ней вместе с внуком Эмилем, сыном старшей дочери Риной, и варит во дворе на трех кирпичках варенье из лепестков роз. Но все свои домашние проблемы Фирочке все же приходится решать самой, а потом еще исхитряться устроить все так, чтобы Адам не сомневался, что с самого начала решение пришло в его голову, а жена только послушно приняла его волю. И в доме всегда царит мир и согласие, уют и вкусные ароматы. Правда, мужу эти радости быта совсем не интересны, он за столом не отрывается от свежего научного журнала, часто не видит, что ест-пьет, и после обеда сразу уходит к своим крысам и кроликам – доктор понемногу увлекся наукой. Просто характер такой, ничего, кроме своей работы, знать не хочет. В кино его не выгонишь, если гости пришли – вежливо молчит, сам по гостям ходить не любит.

Исключение – коллеги. Когда собираются врачи, Адам – душа стола. Он много знает, интересно рассказывает, владеет языками. Не зря же у него за плечами коммерческое училище. Фирочка долгое время думала, что это школа коммерции, ведь муж начал с работы продавцом в магазине. Оказалось, это платное и совсем не дешевое обучение, с углубленным изучением языков – латыни, греческого, древнееврейского, с хорошим преподаванием точных наук и мировой литературы. А кроме того, провинциальное семейное воспитание. Отец Адама в свое время владел в Варшаве фабрикой, по образованию был инженером легкой промышленности, обувщиком. Судьба рукою Первой мировой войны вывернула дорогу семьи на Украину, но европейский налет все же сохранился, хотя Адам всегда остается человеком закрытым

и молчаливым. Иногда, правда, раскрывается неожиданно даже для самого себя. И Фирочка порой замечает, что ученые дамы посматривают на ее Адама очень даже заинтересованно.

Но уж она-то в своем муже уверена, ей бояться нечего. Где ему может быть лучше, чем дома, – всегда чистота, порядок, старшая дочка Линочка уже в пятом классе, круглая отличница, правда, горячка, но как тут не загордиться, такая уродилась красавица! Все говорят – копия матери, и только Адам уверен, что дочка – копия бабушки, его матери Марьям. Ну что ж, легко соглашается Фирочка, тоже неплохо. А маленькая Лиза – радость в доме. Послушная, умничка, во двор выходит – все соседи ее обожают, даже ворчливая дворничиха любит малышку, то шелковицы ей натрясет с дерева, то черешен нарвет – благо двор стараниями соседей превращен в настоящий сад. И няня, опрятная, певучая хохлушка из ближнего села оказалась женщиной доброй, с любовью к ребенку относится.

Фирочка наслаждается своим покоем, устроенностью, разными провинциальными вкусностями, которые теперь может себе позволить. Ее радует беззаботный бег дней – молодости свойственно расточительно пользоваться временем.

По вечерам часто приходят коллеги мужа, и она с удовольствием накрывает стол – зимой в доме, одна из двух просторных комнат всегда готова принять гостей, летом – под окнами во дворе, тогда чуть ли не вся медицинская общественность городка собирается под молодой черешней, Адам посадил ее, когда младшей девочке годик исполнился, и дерево прижилось, правда, еще не плодоносит, но тень уже дает. Столы расставляются под соседскими окнами, сосед тоже врач, из той же компании, редкой красоты мужчина, высокий, статный, яркий, особенно выигрывает рядом со своей блекло-рыжей женой. Но с ней-то как раз Фирочка сразу подружилась, теплая и душевная оказалась женщина и с очень непростой биографией: рано узнала сиротство, умеет понять чужую душу. Конечно, это совсем не то, что подруга детства Мура, но где теперь детство и где Мура, а Ева вполне в подруги годится. И родственники у нее очень интересные. Брат и сестра приезжают из Москвы, сестра, не в пример Еве, дивная красавица, брат очень на Еву похож, совсем не на что посмотреть, зато он какой-то знаменитый писатель, Фирочке даже немного стыдно, что раньше о нем не слыхала. И зовут его, как Фирочкиного отца звали, – Ицик. Он привозит своих друзей, тоже писателей-поэтов. И разговоры ведут умные и тревожные, только Фирочка мало что в них понимает. Много говорят про тридцать седьмой год, о том, что он был трудный и с большими потерями. Фирочка согласна, действительно трудный. В самом начале года приспели ее вторые роды, так трое суток мучилась. А потом с младенцем, тогда еще на няню муж не зарабатывал, и старшая девочка ревновала, хоть уже школьница была, времени не то что на работу, на часок сна не хватало, ясное дело, сплошные трудности и потери.

Фирочка смутно понимает, что за столом говорят совсем о другом, только это другое к ней никакого отношения не имеет, так что она и вслушиваться не пытается. Куда интереснее женские разговоры – дамы, хоть и докторши все, а говорят о том же, что и простые смертные – о том, что крепдешин опять в моде, особенно крупный горох на белом поле, о том, что няньку хорошую теперь с огнем не сыскать. Или как научиться печь пирог в кастрюле-чудо на при-мусе... Или вот еще миловидная такая женщина, доктор Нина Алексеевна, Фирочка ее часто встречает на улице – стройная, улыбчивая, хотя немного тугоухая, потому, наверное, и одинокая, без семьи. А сегодня она тут, за столом. Долго молчит, прихлебывая вино из высокого стакана, а потом вдруг мечтательно, как бы ни к кому не обращаясь, вполголоса произносит:

– До чего же удачные дети получают у доктора Белецкого, я бы все отдала за такое счастье!

Фирочка затаенно улыбается – *все бы она отдала, да кому отдавать, кто ж возьмет, ты ведь инвалид, глухая. Какие у тебя могут быть удачные дети!*

А вслух весело откликается:

– Это у меня удачные дети, не только у доктора. Завидовать не надо, если всю душу вложить, у вас тоже будут не хуже.

Однажды, ближе к весне, она встречает на улице улыбчивую Нину Алексеевну, та гордо несет впереди себя довольно уже большой живот, и Фирочка радостно ее поздравляет:

– Я же говорила, у вас будут детки не хуже моих.

А та весело отвечает:

– Ну да, я же всю душу вложила, как вы советовали, так что все у меня будет не хуже, чем у вас.

Фирочка даже загордилась: к ее словам прислушиваются.

Одним словом, супруга доктора Белецкого раз и навсегда определила смысл своей жизни: надо поддерживать комфорт для мужа, покой для мамы и благополучие для детей. И так ей нравится собственная роль в этом сотканном ею мире тишины и покоя, так ей радостно сознавать, что весь этот мир в ее красивых и ловких руках! Большой мир в глазах Фирочки как бы сомкнулся до размеров ее квартиры, ее краткосрочных визитов к матери, ее встреч с новыми приятельницами, походов к портнихе, или в парикмахерскую, или – святое дело! – посещений школы, чтобы еще раз с удовольствием послушать, какая у нее замечательная дочь, гордость и радость матери. А на лето мать привозит племянника Эмилия на каникулы, он ведь Фирочке, как сын, не зря была ему молочной матерью, так же как сестра Рина кормила Линочку. И тогда Эмиль и Лина берут под свою опеку маленькую Лизу, и у Фирочки наступает месяц свободы, можно заняться собой, почитать романы, ей очень нравится Кнут Гамсун, да и Тургенева она читает с упоением. А еще в их городке, даром что провинция, очень сильный театр, не стыдно туда ходить и интересно. В свое время Мария Заньковецкая задала высокий художественный уровень украинскому театру, а здесь память о ней чтут – землячка по рождению. Ее самой давно уже нет на свете, в середине тридцатых ушла из жизни, но брошенное ею семя дало свои всходы. И все это вместе – положение мужа, его амбициозные планы, удобный быт – с няней, прачкой, достатком в доме, интересными людьми вокруг, удачными детьми и всеобщей любовью создают ту цельную и светлую ткань жизни, которая и составляет смысл существования Фирочки.

Между тем муж все больше мрачнеет, все меньше разговаривает дома, все суше встречает тещу, когда та приезжает навестить дочь и внучек. И очень странно реагирует, когда она с детьми едет к матери, хоть ненадолго. Фирочка начинает беспокоиться – не заболел ли? Не устал ли? Или боится одиночества? А однажды прямо спрашивает его:

– Ты меня совсем разлюбил? Или просто чем-то недоволен, я что-то делаю не так?

И получает раздраженный ответ:

– Ты ведешь себя, как темная колхозница, – почему-то в устах молчаливого Адама это звучит, как тяжелое оскорбление, более крепких выражений он никогда не употреблял. – Ты замечательная жена, но нельзя же не видеть ничего дальше своего красивого носика! Посмотри, в каком извращенном мире мы живем, тебе не страшно?

Фирочка задумывается, начинает осматриваться, прислушиваться, даже спрашивает у соседки Евы, что такого беспокойного в этом мире происходит. Но мир, как ревнивый собственник, не прощает невнимания к себе. Он решил объяснить все непонятливой глупышке без посредников.

В одно июньское воскресенье мир доказал Фирочке, насколько прав был ее Адам.

Началась война.

И сразу рухнул кружевной бело-розовый мирок семейного благополучия, читанные в романах страсти о том, как муж-рыцарь уходит на войну, а верная жена обреченно ждет его в замке, и непременно со щитом, а не на щите, оборачиваются суровой и совсем не романтической реальностью. Мали только неделю назад привезла на каникулы племянника, а сама вернулась домой, что теперь с нею будет? И не добраться уже туда, не вызвать их с сестрой Риной.

Срочные сборы, два чемодана на семью, место в крытом брезентом грузовике, многодневная езда среди горящих хлебных полей, ночевки на случайных хуторах. Адам в этом галопирующем времени, не обретшем места, спешно разворачивает госпиталь, решает множество самых разных проблем – что есть, где спать, куда принимать первых раненых, и еще, и еще. Времени на настроения у него совсем нет, он при деле, которым решаются многие жизни, и он погружен в свое дело без остатка, эта стихия поглощает его.

Дивный город Астрахань – пыльный, размазанный по огромной территории, говорящий с татарским акцентом, стал первым приютом для семьи и для успешного детища доктора Белецкого. И очень скоро госпитальная реальность обретает некие физические очертания – по месту дислокации, замещению вакансий, хранению и получению материалов и медикаментов, организации пищеблока и устройства служащих – военнообязанных и вольнонаемных. Это не районная санэпидстанция с ее неторопливой устремленностью в науку, это сиюминутная задача спасения человеческих жизней, и доктор обретает в этом деле ту уверенность и основательность, которые и становятся отныне фундаментом его личности.

Тринадцатилетняя Лина самостоятельно пошла к госпитальному замполиту, попросилась на работу, тот посмеялся. Тогда девочка обратилась к высшему авторитету – собственному отцу. И папа позволил ей приходить в палаты, писать под диктовку письма, читать книги или полученную корреспонденцию. Окрыленная, она прибежала к маме:

– Мама, мама, папа сказал, что я могу ходить в госпиталь работать, я буду приближать победу. А еще там к нему пришла Нина Алексеевна, помнишь ее, такая вся красивая, и у нее на руках маленький ребеночек в кружевах.

Фирочка и сама не поняла, почему обмерла. Она ведь знала, что эта женщина ждет ребенка – вот, дождалась, пусть будет в добрый час. А что она делает у Адама? Ну, это уж совсем глупости – а к кому же ей идти, она ведь врач, а он набирает штат. Действительно, подумала Фирочка о себе недавними обидными словами мужа, что я, как темная колхозница, какая пошлость! А сердце не перестало трепетать.

Дальше все покатило так стремительно и так вразрез с мировым порядком-беспорядком, что Фирочке осталось только изумляться самой себе. Нина Алексеевна пришла к ней домой, с ребенком на руках. Измученная собственной безрассудной отвагой, неуверенная, но бесстрашная, готовая на все. Оттого говорила жестко, даже грубо, Фирочку почему-то назвала «на ты» и неожиданно даже для самой себя начала с угрозы:

– Если ты мне его не отдашь, я пойду ребенка на рельсы положу, и пусть потом люди решат, у кого из нас совести нет.

С Фирочкой такая драматическая коллизия приключилась впервые в жизни, если, конечно, не вспоминать детство, когда на нее наехал извозчик, а у них не было еще тогда вида на жительство, и она с вывихнутой ногой пешком бежала домой, чтобы не попасть в полицию. Обошлось. Или когда петлюровцы к ним в дом вломились – тогда мама всех их спасла. Теперь надо самой. Или когда им сообщили, что папы нет на свете, а мама не поверила. Но то были знаки судьбы, знамения свыше, с которыми не поспоришь. А тут? Боже, какая пошлость, снова подумала Фирочка. И она вдруг всем своим существом ощутила свою правоту и свое право, и, может быть, впервые в жизни почувствовала себя взрослой, мудрой, ответственной женщиной, готовой принять трудное решение.

– Во-первых, Нина Алексеевна, успокойтесь, сядьте, вот стакан, выпейте воды, – и протянула бедняге стакан, как руку спасения. Та взяла и стала пить, шумно глотая. А Фирочка продолжила:

– И почему вы думаете, что я могу хотеть отдать вам моего мужа? Он ведь живой человек, и он не любит, чтобы им распоряжались. А как мы с ним друг к другу относимся – это вас не касается, я не собираюсь посвящать вас в наши семейные дела и чувства. Но я готова вам помочь. Если ребенок вам оказался не нужен, зачем же на рельсы? Оставьте мне, я приму

и постараюсь вырастить, он-то передо мной ни в чем не виноват, за что ему страдать. – Все это она произнесла медленно и тихо, можно сказать, невыразительно, без интонаций, но тем сильнее оказалось действие ее слов. Нина Алексеевна судорожно всхлипывает, крепче прижав к себе дитя, и бредет к двери. У порога оборачивается и шепотом произносит:

– Простите меня, – и после паузы добавляет: – У меня тоже девочка.

И скрывается за порогом.

А Фирочка обессиленно опускается на свой самодельный диван, сооруженный из деревянного ящика, куда сложен весь их наличный скарб – таковы военные будни на чужбине.

Муж пришел часа через два. Фирочка не стала выяснять отношения, не стала требовать объяснений. Сухо и деловито она изложила свою позицию:

– Мне нужно получить работу, чтобы нам с детьми было на что жить. И не отрываться от госпиталя, чтобы не стать беззащитными на чужбине. Если младенец оказался лишним в ваших играх – я согласна взять себе, ребенок ни в чем не виноват. А как ты решишь свои проблемы – твое дело, большой уже мальчик.

В ответ прозвучала фраза, которую Фирочка не смогла забыть до конца своей жизни, и до конца своей жизни не могла поверить, что это сказал ее муж – суровый, отважный, упорный, интеллигентный. Жалким чужим голосом он произнес:

– Она уверяла, что только хочет ребенка, больше ей ничего не нужно от меня.

Фирочка не отказала себе в мелком удовольствии:

– Какое благородство с твоей стороны – открыть благотворительный фонд по первому требованию! – с этими словами она резко распахнула дверь и еще более резко захлопнула ее за собой.

Она бродила по улицам до позднего вечера. Уличные торговцы надрывались криками: «Бошки, сазаньи бошки» – это рыбы головы, очень ходовой товар, дешево и много. Фирочка шла мимо них и мимо их криков, не слыша. Ветер взметал песчаные барханчики, песок забивался в рот, нос и уши, скрипел на зубах, царапал глаза, всеми силами помогал Фирочке ощущать боль, почувствовать себя живой и еще более несчастной. Нет, она не сломалась, не поддалась. Даже, наоборот, как-то вдруг почувствовала себя сильной и... свободной. И поняла, осмыслила свою силу и свободу. Вернулась в их временное жилье, длинную и несуразную, похожую на трамвай комнату с железной дверью. Мужа не было. Он появился только наутро, был в военной форме, до того не носил ее, и она ему не шла. Пряча глаза, сообщил, что через два часа отбывает на фронт, должность уже сдал. Объяснил, с кем надо говорить, чтобы оформиться на работу в госпитале вольнонаемной. Дал детям последние наставления – хорошо учиться, беречь маму, помогать ей. Фирочка все это время чувствовала себя, как памятник самой себе – окаменела от ужаса происходящего. Когда Адам уже стоял в дверях, заставила себя произнести:

– Вернись живым!

Она услышала собственные слова и вдруг поняла, что ее пожелание может и не сбыться, – и тут ее прорвало рыданиями в голос, она повисла на шее мужа и, не доставая ногами до пола, прилепилась к нему каждой клеточкой тела, каждым вдохом... потом отпустила его, и он сразу резко повернулся и молча исчез за железной дверью.

Адам уходил в гущу войны, и ему казалось, что все эти вспухшие неестественные проблемы он оставляет позади, дает им возможность как-то рассосаться без человеческого вмешательства, без эмоций и страстей. Не получилось. Он испытывал чувство утраты и разрушения, вины и сожаления – все это смешалось в какой-то коктейль паники и невозможности овладеть ситуацией. Как такое могло случиться с ним, таким осмотрительным, надежным и целеустремленным человеком, таким любящим мужем и отцом! Он уходил от семьи, как от самого себя, словно это возможно. И с горечью думал о своей бессмысленной попытке испытать полноту жизни, не пройти мимо человеческого соблазна, чтобы потом не жалеть об утраченном, с чув-

ством вины и с жалостью к растерянной женщине, которая просто хотела обычного женского счастья. Все эти чувства, даже не оформленные в слова, легли ему на сердце неподъемным грузом.

А война требовала забыть себя, помнить только дело и делать его на совесть. Адам всегда был совестливым человеком и верил, что останется таким до конца своих дней, верил, что найдет путь примирения в своей судьбе. Надо только не предавать себя. *Остаться человеком.* Эту формулу он с детства слышал от родителей, и она осталась его девизом на всю жизнь. И он словно отрывал себя от самого дорогого, что было в его жизни, спиной чувствовал взгляд жены и укор в ее глазах, и потом все годы войны каждый миг передышки он вновь и вновь ощущал просто физически этот ее взгляд, и укор, и ужас расставания, и последнее отчаянное объятие...

Фирочка бросилась к окну и еще успела увидеть его спину – худую и сутулую.

С этого момента для нее по-настоящему началась война. Не только та, что у всех, еще и та, что у нее одной, где нет тыла, со всех сторон фронт и непонятно, с кем бороться и кого побеждать, кроме себя самой.

На работу ее взяли сразу, Адам обо всем договорился. Спросили только, что она умеет делать. Пришлось признаться, что как вышла замуж – с тех пор только кухня, дети – дом, одним словом.

– Ну, значит, борщ варить умеешь? – грубовато спросила кадровичка.

– Умею. И кашу тоже.

– На кухню пойдешь?

Фирочка так боялась, что ее возьмут санитаркой – она вида крови не выносит, сознание теряет от простой царапины. А кухня – это почти как дома, и она с радостью соглашается.

– Ну, значит, ступай на пищеблок знакомиться.

Встречает ее старшая диетсестра, высокая, ширококостая женщина с громким голосом и резкими движениями.

– Меня зовут Агриппина Селивестровна. А тебя?

– Эсфирь Исааковна. Можно просто Фира.

– Ой, это как-то не по-нашему и запомнить трудно. Давай сделаем похоже, но попроще. Давай будешь... ну-у, например, Вера. Вера Исаевна.

Фирочка даже обрадовалась. Новая полоса в ее жизни оказалась так не похожа на все, бывшее с ней до того, что новое имя даже как бы помогает окунуться в эту иную, незнакомую жизнь с меньшими потерями. И она вступает в этот новый этап, в эти страшные четыре года как Вера Исаевна, а вскоре даже сама к этому имени привыкает. Наивная Фирочка осталась там, в довоенном счастливом беспроблемном мире. А Вере Исаевне некогда упиваться сердечными страданиями, ей жизнь налаживать надо. Детей поднимать, самой не сломаться.

Госпиталь – та же больница, только армейская, с дисциплиной. А кухня отличается, тут на свой вкус не закажешь, ешь, что дают. Конечно, в гражданской больнице при разных болезнях разные диеты, а тут – на всех одна, раны едой не лечат, разве что голодом, если живот распорот. А так царица солдатского стола – перловая каша, в хорошем случае с тушенкой.

И все же работа в госпитальной кухне не то, что дома – кастрюльку бульона на примусе варить не придется. Вера Исаевна быстро научилась заваривать кашу в огромных котлах, ей такой и не поднять, но всегда есть выздоравливающие солдатики, рады возле кухни повертеться, время ведь несытое. И всегда кто-нибудь да поможет.

А уж если генерал какой или хоть даже полковник появится – не обязательно раненый, чаще с проверкой или навестить кого-то, тут Вера Исаевна на высоте – блинчики-оладушки, домашние котлетки, пирожки, даже торт на сухом молоке, а раз, помнит, велели приготовить фаршированные яйца, целых четыре штуки. И яйца доставили, только готовь. Ох она и испугалась – их ведь надо разрезать так, чтобы скорлупки не расколоть! Стоит она, бедняжка, перед

этой неразрешимой задачей, а шеф Тарас Васильевич спокойно наблюдает из-за ее спины, потом не выдерживает:

– Ну и дура же ты, Вера Исаевна! Думать-то самой надо. Свари ты эти яйца, облупи, разрежь и фаршируй. Это я тебя на сообразительность испытывал. Ладно, пока прощаю, в другой раз не открутишься.

Вот такие пошли служебные будни. С переездами вслед за фронтом под огнем, с бомбежками в пути, с поисками жилья после каждого переезда, порой прямо у линии фронта, порой в глубоком тылу. Без выходных и праздников. В солдатской гимнастерке и кирзовых сапогах. Без помощи няни и прачки. Без покоя и даже, пожалуй, без особой надежды.

Нина Алексеевна исчезла из госпитальных будней, и Вера Исаевна не знает, где она. Может, где-то рядом с Адамом воюет, но тогда где дитя – не на фронт же она его с собой взяла. Или оставила родителям? Да есть ли у нее родители? Надо просто ждать. И верить, что все останутся живы. А уж кто к кому вернется – это как судьба распорядится.

Вера Исаевна всякий раз отодвигает от себя ответственность за судьбоносные решения. Ей бы своих троих поднять, а там – что будет, то и будет. В какой-то момент показалось, что совсем край пришел: вольнонаемных с маленькими детьми отправили в глубокий тыл, в Казахстан. Голодно там и холодно, хозяин, у которого комнату сняли, последнюю корку хлеба отбирал, маленькую Лизу поколачивал, чтоб не плакала, а она плакала от голода, и тогда он запирает ее в холодной комнате с глинобитным полом – той, где в свободные дни валенки катал – такой семейный приработок. Красавица Лина стала было ходить в школу, да где там – классы переполнены, есть только вторая смена, а как стемнеет, на улице нельзя появляться – раздевают, убивают, насилуют сплошь и рядом. Так что вся учеба – дома, самостоятельно. А между делом – убраться, чтоб не так тошно было в комнате, полы раз в неделю промазать, специальная такая смесь – свежие коровьи лепешки с водой и глиной хорошо размесить ногами, а потом вручную чисто выметенную комнату промазать и выровнять, чтоб пол был гладким. И дать высохнуть.

Одна удача – племянника Эмиля удалось от голодухи спасти – его приняли в военное училище. Худо-бедно одним ртом меньше. И как же трогательно он, когда на выходной приходил, обязательно приносил младшей сестренке гостинчик – сливу сушеную от своего курсантского пайка или сахару кусочек – и это мальчишка четырнадцати лет, ему бы самому как-то прокормиться, тощий вон, как жердь в заборе. Вскоре училище перебазировали южнее, чтоб мальчишки не померзли окончательно – они на учебу ходили по очереди, на всех сапог не хватало. И встретила семья с ним нескоро, через годы, уже после войны. Но писал часто и породному, да и как же еще – ведь на руках у Фирочки вырос.

Понадобилось почти год непрерывно писать письма госпитальному начальству, упрашивать, чтобы отозвали их обратно, не дали умереть в тылу. И в какой-то момент – есть все же ангел-хранитель! – пришел конверт, а в нем литер на выезд из Актюбинска в распоряжение эвакогоспиталя №3261. Ура!

Собираться оказалось проще простого: то небольшое из вещей, что еще оставалось, Вера Исаевна помаленьку выменяла на базаре на продукты – пшено, муку, постное масло. Особенно обидно было, когда за зимнее пальто, совсем еще не старое, с модным недавно котиковым воротником, дали стакан сметаны – это когда Эмиль еще был в городе и заболел брюшным тифом, а потом нуждался в усиленном питании. И Вера Исаевна несла ему в училище этот стаканчик сметаны, а у самых дверей поскользнулась – и все вдребезги.

В общем, собрались мигом, на вокзал тоже попали без труда – хозяин их жилья там и работал, на железной дороге, там он их и подобрал, когда приехали в дощатой теплушке-телятнике, а теперь показал, как туда проще добраться. А вот дальше оказалось все круто.

Поезда ходили без всякого расписания, иди лови. А и билетов никак не получишь, касирша в окошке насмешливо отвечает всем одно и то же:

– Нет и неизвестно.

Ночевать негде. Так и протоптались на улицах до рассвета, промерзли и есть-пить хочется.

Ожидать у входа в здание вокзала тоже не разрешают – милиционер уже несколько раз прошел мимо грустной семейки с узелком у ног.

– Знаешь, мама, я думаю, так мы не уедем. Надо идти к начальнику вокзала, у нас же документы есть. И наш папа на фронте, нам должны помочь! – Лина в свои неполные пятнадцать лет ведет себя совсем как взрослая, но ее настойчивость не слишком действует на мать. Вера Исаевна вспоминает, как ходила по разным учреждениям в поисках работы.

– Гражданочка, – отвечали ей, – у вас же нет прописки. А *по закону военного времени* без прописки мы вас трудоустроить не можем, не имеем права. Наоборот, должны привлечь, выяснить, кто такая, откуда, зачем.

И она снова шла на базар с какой-нибудь своей одежкой или безделушкой.

А когда пыталась получить прописку, хотя бы временную, получала совсем иной ответ:

– Гражданочка, вы ведь нигде не работаете! А на что вы живете? Да нет, вас не прописывать надо, а выселить из города за тунеядство, – и добавляли магическую формулу: – *по закону военного времени...*

Потому комсомольский энтузиазм дочери отклика не находит. Но что-то ведь делать надо, и Вера Исаевна подхватывает с земли свой узел с вещами, взмахивает головой так, что платок сбивается на затылок, командует своим девочкам совсем по-военному:

– За мной, не отставать! – и широким шагом решительно направляется к вокзальным дверям. Девочки за ней едва поспевают. Она уже потянулась к ручке двери, а в этот момент дверь распахивается, какой-то человек с горкой картонных коробок в руках резко выходит навстречу Вере Исаевне, они сталкиваются чуть ли не лбами, несколько коробок падают на землю.

– Ну, что стоишь, помогай давай, – довольно бесцеремонно, чтоб не сказать грубо, командует он, и Вера Исаевна послушно подбирает с земли упавшие коробки, сколько вмещают руки, и протягивает незнакомцу.

– Дамочка, помоги донести до вагона, – просит он.

Вера Исаевна, нагруженная чужими коробками, устремляется вслед за ним, только успевает бросить дочерям:

– Ждите меня здесь, никуда ни шагу!

Она несет свою нетяжелую, но довольно неудобную поклажу за незнакомцем, рассматривает его со спины – высокий, темноволосый, судя по походке, не старый. Ловко перескакивает через рельсы к какому-то дальнему то ли пути, то ли тупику, она следом. Подходят к одиночному, без паровоза вагону, мужчина достает из кармана нечто наподобие ключа, отпирает двойную, нестандартную, похожую на ворота дверь, ловко вспрыгивает на ступеньку и оборачивается к ней:

– Спасибо, что помогла. Если есть время, не бойся, поднимайся.

– Нет, что вы! Вы же видели, у меня там дети, нам надо ехать, а никак не попадем на поезд. Вот, шла к начальнику вокзала.

– А тебе куда? – интересуется тот, и Вера Исаевна тут же достает из сумочки свои документы, полученные из госпиталя, показывает ему, что-то объясняет и молитвенно смотрит на него снизу вверх:

– Помогите, пожалуйста! Совсем силы кончились, пропаду тут и детей не вытащу. Помогите!

Человек внимательно, даже, можно сказать, пронзительно рассматривает невысокую фигурку, замечает выбившиеся из-под платка роскошные каштановые волосы, аккуратный

носик и жгучие карие глаза. А может, потертое пальто, стоптанные туфли не по сезону, усталые тени на лице. Впрочем, как знать, что он замечает, может, вообще думает о своем. Только после паузы будничным тоном говорит:

– Ну, давайте, полчаса еще есть, привою свое потомство, возьму вас, у меня все равно вагон пустой, вот остатки груза переносил, сейчас меня подцепят и покатым с ветерком. У меня литерный груз, домчим без задержек. Считаю, тебе повезло!

– Только я лучше сразу признаюсь: денег у меня нет. Совсем нет.

– Ладно, разберемся, торопись.

И она бежит к детям, через пути, не разбирая дороги, напрямую.

– Девочки, бегом за мной, кажется, вырвались! Лина, возьми вещи! Лиза, давай руку. Вперед! – и они пускаются в обратный путь, тоже бегом.

Вагон на месте, мужчина в дверях, даже помогает подняться, маленькую на руках заносит.

– Ну вот, осматривайтесь.

Вера Исаевна находит какой-то ящик, садится – ноги трясутся от напряжения и усталости. Маленькая Лиза прислонилась к ее коленке, обняла, застыла. Лина вертит головой, осматривается. Вагон скорее товарный, чем пассажирский, но без нар, какие-то большие конструкции, перекрытые брезентом, стоят не густо, делят пространство как бы на отсеки. А пол вагона выстлан толстым слоем привядшей травы, то ли мха, ходишь, словно по ковру. Места много и никого нет. Непривычно. Удивительно. Тревожно.

– На этом даже спать можно, – сообщает Лина, поднимая с пола клочок привядшей подстилки. У этой девчушки уже недетский опыт, она и степь знает, и поле – навидалась за время войны.

– Ладно, располагайтесь, а я к себе, чайник поставлю. Во-он туда, за загородку приходите через полчаса, кипятком напою, у меня там «буржуйка» стоит. – И он уходит, неслышно ступая по траве.

Вера Исаевна, не поднимая ног, передвигается между этими странными конструкциями, ищет угол поукромнее, бросает там свой узелок с вещами и уже собирается прямо здесь, на траве прилечь, но Лина останавливает:

– Мама, нас же обещали кипятком напоить, пойдем, очень пить хочется и погреться!

И они тащатся из последних сил к загородке, там навешена занавеска, а за ней довольно уютное пространство: стол, на нем пузатый чайник и к нему чашки с блюдцами, не кружки, настоящие чашки, фаянсовые, красные в белых горохах, и еще коробка картонная, а в ней бублики! А на блюдечке несколько маленьких кусочков колотого сахара. Вокруг стола – скамья и еще какие-то ящики вместо табуреток. И хозяин сидит, улыбается. И «буржуйка» раскаленная докрасна, а на ней котелок с кипятком.

– Ну, теперь можно и знакомиться. Меня зовут Виктор Витальевич. А тебя?

– Я Вера Исаевна, – почти без запинки отвечает она и отстраненно, как о другом человеке, думает: *«Фирочка бы так не смогла!»*. – А это мои дочери Лина и Лиза. Их папа на фронте, – сообщает она, и пронзает мысль – *почему я не сказала «муж», а только «папа»? Как бы ни было, он пока муж мне!*

Но так давно не была она в тепле, не ела бублика, не пила кипятком из фаянсовой чашки, не испытывала реальной надежды на спасение, что мысль эта тут же гаснет, как не имеющая значения. Зато наплывает другая. *Для чего мы нужны этому человеку? Расплачиваться же придется! Боже, дай силы, помоги уберечь детей и самой уберечься!*

Это, пожалуй, впервые в жизни Вера Исаевна обратилась к молитве, никогда ее этому не учили, никогда она не видела мать молящейся. Да и молитв настоящих не слышала, ее юность была уже комсомольской, с митингами и маевками.

Девочки доели свои бублики и уже уснули прямо тут, у стола, на траве, разомлев от тепла «буржуйки». Вера Исаевна обреченно смотрит на своего спасителя и уже уговаривает сама себя: *Ради спасения жизни детей и не на такое пойдешь. И вообще, я теперь, можно сказать, никому ничем не обязана. Если ему было можно в доброе время для забавы... ради детей, ради жизни – переживу,* – она даже мысленно уже не называет мужа по имени.

А Виктор Витальевич долго и многозначительно смотрит на нее и в конце концов произносит совсем не то, что она ожидала:

– Да не трясись ты так, не насильник же я, в конце концов. Не хочешь – не заставляю... Хотя правда твоя, понадеялся. Но – вольному воля. Может, мне на том свете зачтется, – и он укладывается на свой топчан носом к вагонной стенке. Вера Исаевна пробует растолкать своих девочек, но они только руками машут, так и остаются на полу. И она над ними на своем ящике-табуретке. Так и переночевали.

Ехали действительно довольно споро как для военного времени, долгих стоянок не было. Не было больше и неловких моментов, да и бубликов никто не предлагал. Хозяин на глаза почти не показывался, и когда прибыли в заснеженный, застывший уральский город, где и ждал госпиталь, Виктор Витальевич только дверь вагонную отпер, а сам даже на перрон не соскочил – ему было ехать дальше. Так и растаял во времени, больше никогда не встречались.

Уже потом, когда вся эта история стала воспоминанием, Вера Исаевна иногда говорила себе: *кому-нибудь рассказать – не поверят! Да и кому расскажешь, это ведь надо сначала в своей жизни пережить нашу беду, чтобы понять и не поглумиться.*

Вся эта история не прошла бесследно. Вера Исаевна снова и снова вспоминала мельчайшие подробности, иногда ругала себя за безоглядность, иногда хвалила за стойкость. Порой даже представляла себе, как могла обернуться жизнь, если бы она вдруг позволила себе... На этом месте ее мысли всякий раз меняли направление: *себе? Не кому-то, себе?* И тут она неожиданно для себя самой начинала собой гордиться: значит, могла, но не позволила. Значит, она сильнее обстоятельств. Значит, она сильнее своего мужа – он-то не устоял. И Вера Исаевна начинала любить себя чуть-чуть больше и думать об Адаме более снисходительно. У каждого свой запас сил – физических и нравственных тоже.

А жизнь не скупилась на трудности. С самого начала войны Вера Исаевна неустанно разыскивала мать и сестру, все надеялась найти их и как-нибудь с ними воссоединиться. Обращалась в Красный Крест, в город Бугуруслан, где было справочное бюро по розыску эвакуированных. Адрес давала, ясное дело, госпитальной полевой почты. Вернувшись в госпиталь, получила целую пачку ответов из всех инстанций, куда писала. И только из эвакуированного киевского бюро розыска пропавших ответили, что «разыскиваемые выбыли из города до первого июля 1941 года». Все остальные сообщения были, как под копирку: «Разыскиваемые лица не обнаружены».

Их так никогда и не нашли, войны пожирают не тех, кто их затевает.

Кто ж мог знать, что те же два лихих комиссара Василь и Дмитро, сыновья Галы, подружки Мали из Махновки, снова сменили обличье, бродили по городу в надежде поживиться чем-нибудь ценным, а нашли и узнали старую подругу своей покойной матери. Да и она их узнала, как забыть убийц? Тут все и решилось. Замкнулся страшный кровавый круг. А Вера Исаевна все продолжала искать и надеяться, и печалиться. И до конца своей жизни она винила себя: она-то ведь осталась жива.

Между тем все те же военные будни, все те же переезды и невыносимая неизвестность, бомбежки и вой сирен, все та же одинокая постель и порой пустая тарелка – все это не просто сопровождало жизнь, это и было самой жизнью. И превращалось в то бесценное знание, которое принято называть жизненным опытом. Это и способность вжиться в свое новое имя – вместе с отчеством, она никогда бы не могла назвать себя просто Верой, даже мысленно, только Верой Исаевной. Это и умение понимать людей, видеть не только их поступки, но и мотивы:

в прежней жизни, предложи ей кто-нибудь отдать свое дитя, она бы ужаснулась, а теперь поняла, что квартирная хозяйка, когда они уезжали к фронту, предложила ей оставить младшенькую, просто чтобы уберечь ребенка. Не оставила, но осталась благодарна. Она вообще на всю жизнь осталась благодарна этой женщине и всегда восхищалась ею.

Это был как раз почти полный год жизни в глубоком тылу, на Урале, куда госпиталь прибыл на переформирование, а Вера Исаевна с дочерьми прибыла туда из голодного и страшного казахстанского тыла.

Вокзальная платформа, стылая февральская ночь, куда идти? Одинокая кургузая фигура утиной походкой приближается к ним, и чего ждать – неизвестно. Оказалось – к добру. Женщина подходит, ставит на землю две тяжелые корзины, долго и внимательно рассматривает всех троих.

– Откуда вы, болезные? – певуче спрашивает она. – Ночевать-то есть где?

– Нет, – обреченно отвечает Вера Исаевна. – Мы из Казахстана, нас вызвали в госпиталь.

Она спешит объяснить, что имеет право здесь быть, *по закону военного времени*, но женщина не особо вслушивается.

– Ну, значит, так. Меня зовут Катерина Федосеевна, жить будете у меня, у нас дом просторный, теплый, справный, всем места хватит. И муж у меня работающий, добытчик, и дети, слава Богу, золотые. Только дойти надо, не близко. Но помаленьку доберемся. Вы пока в вокзале отдышитесь, я еду раздам и пойдем. В здании вокзала немало людей, все новоприбывшие. Катерина Федосеевна идет по рядам, внимательно смотрит. Возле самых усталых или старых или многодетных останавливается, достает из своих корзин то несколько ломтей хлеба, то пару яиц, то просто мисочку каши, отдает и идет дальше. Когда корзины пустеют, она возвращается к своим найденышам.

– Ну, ноги в руки.

И они долго идут по пустым и безлюдным заснеженным улицам.

Позже Вера Исаевна узнала, что хозяйка ходит на станцию каждую неделю, накануне печет хлеб, яйца в печи запекает, сколько-то масла, меду набирает в туюски, сала и соленой рыбы – и все это раздает тем, кто, на ее глаз, больше оголодал и больше нуждается в помощи. А пока, добравшись к утру до дома, они обретают семью. Об этих людях можно рассказывать долго, но это другая история.

А на дорогах Веры Исаевны – все те же гигантские котлы госпитальной незамысловатой стряпни, те же бомбежки, долгие переезды в товарных вагонах в хвосте санитарного поезда с красными крестами на крыше, которые, впрочем, от бомб не спасали. А между переездами – все новые хозяева краткосрочного жилья, все они разные, как города или станицы, в которые приводят дороги войны. И это повторяется вновь и вновь.

До самого того майского дня, когда невидимый Юрий Левитан из черной бумажной тарелки сообщает, что *победа* – это уже настоящее, ее больше не надо ждать, она уже сегодняшней день, реальность.

Победа. Слово это звенит долго-долго, звук его перекрывает слезы и проклятия, оно надолго становится главным словом и главным состоянием умов и сердец.

Дом разрушен, жить негде – но ведь победа!

Голод, хлеба нет и купить негде и не на что – но ведь победа!

Работы на гражданке не найти – вот только в училище ФЗО за гроши, от темна до темна в сыром подвале без окон – но ведь победа!

С этим звоном победы в сердце возвращается Вера Исаевна, в свой городок на Черниговщине. И снова становится Фирочкой – или верит, что становится. И начинает ждать мужа. Потому что после всего за эти годы пережитого и передуманного такой мелкой показалась ей обида, таким невозможным расставание и такой немислимой сама мысль, что может найтись сила, которая разрушит их любовь, их семью, заставит его бросить ее и детей! Эта вера во все

хорошее не покидает ее ни на миг. Городок маленький, все знают всех, не пересечься на улице невозможно. Случается, что Фирочка видит Нину Алексеевну, чаще всего с маленькой дочкой. Только однажды удалось рассмотреть ребенка, и Фирочка мысленно ахнула: как похожа на Лину в таком возрасте, такая же красавица! Чаще всего Фирочка в таких случаях спешит свернуть в переулок или даже заскочить в подворотню. Докторша, наоборот, уверенно идет своей дорогой, как бы глядя внутрь себя. Эту ее уверенность Фирочка про себя называет наглостью, саму соперницу даже в мыслях не поминает по имени, найдя раз и навсегда для нее уничижительное обозначение – *Она*. Фирочка сама не замечает, что это нейтральное, в сущности, слово стало в ее устах как бы ругательным, она и сама понимает, как мелко это смешанное чувство вражды, ревности, жалости и даже презрения. Порой оно переполняет ее болью и гневом, но все же не может растворить, уничтожить веру Фирочки во все хорошее, в то, что впереди ждет свет, тепло и добро, честная и уверенная судьба.

И когда ночью – уже зимой, больше полугода прошло в ожидании! – когда ночью раздался стук в окно и она, откинув занавеску, увидела неузнаваемое, но все же родное лицо в серой военной шапке-ушанке, Фирочка даже не удивилась, она просто набросила одеяло на плечи и босиком бросилась к двери – а как же, муж вернулся домой с войны...

Темнота под потолком сгустилась, как черничный кисель, кажется, сейчас забьет нос, рот, уши, не даст дышать, заклеит глаза. Фирочка пытается разглядеть сквозь эту плотную гущу хоть что-то. Конечно, не завтрашнее утро, пожалуй, свое обозримое будущее. Адам вот он, рядом. Лежит, уткнувшись лицом в подушку, на их узенькой, самодельной, как стало привычным в войну, кровати, он всегда спал в этой позе. Фирочка чувствует его, как себя, даже больше, чем себя. Всегда так было, ничего не изменилось... Нет, изменилось, не надо себя обманывать. Все по-другому. Он здесь, рядом, он пришел.

Пришел, но вернулся ли?

И утро не спешит рассеять, растворить этот кисель под потолком, дает возможность еще немного побыть наедине с неизвестностью, а значит, хоть и со страхами, но и с верой в хорошее.

– Как дальше жить будем? – нет, Фирочка не произносит этих слов, слишком трудно и страшно. Но вся она – глаза, руки, наклон головы, классическая линия губ, даже милый завиток на шее, тот, что снился Адаму всю войну, – вся она переполнена этим вопросом. Да и как иначе? Он пришел, он здесь, он так же горяч и нежен в любви, как в прежние времена, но ведь за день и ночь, что он здесь, ни слова не было сказано о том, что тогда случилось. А причина рядом, на соседней улице, и глупо делать вид, что ее не было и нет.

Под потолком все еще черно, но окно уже немного светлее стены вокруг него, и Фирочка понимает, что пора выбираться из теплой постели, готовить мужу и детям завтрак, затопить печку-«буржуйку», нагреть воды, чтобы Адам мог побриться. А потом мыть посуду и прикидывать, что еще срочно нужно сделать. Господи, какое счастье, какое забытое счастье! Как сделать, чтобы так было всегда?

Но первое же ее легкое движение будит Адама – или это он так тихо ждал, пока она шевельнется? – и он обнимает ее с той же своей неизбывной застенчивой нежностью, прижимает к себе каждой клеточкой, словно хочет слить их двоих воедино, и горячо шепчет в ухо, как раз над любимым завитком:

– Мы же снова вместе, да? Ни о чем не тревожься, я здесь, я с тобой, так будет всегда, войны уже нет, беды уже нет. Ничего нет, а мы есть...

А потом Фирочка, набросив халат, бежит готовить завтрак – оладьи с варенцом и чай. Даже достает откуда-то старый металлический, почерневший от времени подстаканник, успевает начистить его до блеска зубным порошком – Адам всегда любил пить чай из стакана с подстаканником, и Фирочка сама не помнит, откуда он взялся, но знает, что есть. И, боясь вернуться к ночным своим тревожным думам, она, как может, растягивает утренние привычные пустяковые занятия – начищает подстаканник, печет оладьи на постном масле, ставит на стол

глиняную кринку с варенцом, заваривает чай, раскладывает еду по тарелкам, а потом еще с особым старанием посуду моет и вытирает насухо, хотя давно уже приспособила к этой работе дочерей.

И все-таки приходит момент, когда откладывать разговор больше невозможно. Фирочка отряхивает последние крошки со скатерти, присаживается у стола на край табуретки, подперев щеку ладошкой, и вся ее поза, весь облик – это ожидание каких-то драматических слов мужа. Она даже удивляется в душе, что с такой легкостью снова стала думать об Адаме как о муже. Она даже немножко на себя злится за свои ночные страхи и опасения. Ну конечно, все в порядке, он же вот, можно протянуть руку и дотронуться, не сходя с места, и только-только шептал ей на ухо все главные слова!

Но Адам заговорил совсем про другое.

– Жизнь распорядилась так, что мы с тобой теперь военные люди.

Фирочка взметнулась возразить, что она и в войну считалась лицом гражданским, но Адам нежно усаживает ее обратно на табурет, мимоходом дотрагивается губами до любимого завитка на шее и продолжает:

– Да, я знаю, что ФЗО, где ты теперь работаешь, – это не армия, знаю, что голодных подростков надо хорошо кормить, чтобы они выросли крепкими парнями, все знаю. Но я не просто врач, я – военный, офицер, я на посту, я отвечаю за жизни солдат. Да, теперь не стреляют, нет раненых, но это не значит, что не нужны врачи. Наоборот, если в войну обычных болезней никто не замечал, то сегодня у меня в госпитале даже с диареей солдатика лечатся. – Адам сам не замечает, как уходит мыслями от трудной задачи успокоить жену и уговорить ее принять как данность его готовность на такие простые и однозначные реалии госпитальной жизни и свою и ее роли в них. Он еще долго увлеченно и подробно рассказывает Фирочке, как лечить солдат от диареи при полном отсутствии лекарств, и она всем своим существом возвращается в те счастливые довоенные времена, когда муж читал ей за столом целые лекции на медицинские темы, а она слушала его в пол-уха и наслаждалась моментом общения. Вот и теперь, боясь рассмеяться или как-нибудь иначе обидеть его, терпеливо слушает про целебные свойства свежего лука при несварении желудка да про роль санитарии и гигиены в оздоровлении армии. В конце концов не выдерживает и перебивает мужа на самом интересном месте:

– Ну ладно, про понос я уже все поняла, а мы-то с тобой что дальше делать будем, что будет с нашей семьей? У нас ведь семья? – спросила и сама удивилась, как легко произнеслись эти самые трудные слова и как светло сразу стало в комнате, когда эти слова прозвучали.

Выходит, сам того не ожидая, Адам все делал правильно, отвлек жену от сложных мыслей, от страхов и переживаний, вернул к насущным заботам, даже как-то неожиданно разбудил совсем не свойственное ей чувство юмора.

– А нам, дорогая жена, план действий диктуется воинским уставом. Отпуск у меня короткий, больные ждут, так что собирайся.

– Как «собирайся»? – по-молодому ужасается Фирочка. – Учебный год только начался, дети учатся. Нельзя же их так резко сорвать с места.

– И отлично, пусть учатся. Они девочки большие и разумные, войну прошли. А учебный год кончится – заберем к себе. Мне там уже и квартиру дали, так что снимать не придется, жить есть где. Армия о людях заботится.

– Посмотрим, подумаем, – легко соглашается Фирочка. – Тебе ведь еще не сегодня возвращаться. А варианты есть?

Адам смотрит ей в глаза пристально и задумчиво, словно стремится проникнуть прямо в душу. И молчит так долго и так выразительно, что, пожалуй, уже и ответ не нужен, но он все-таки в конце концов отвечает:

– Я свой вариант сказал. У тебя есть другие?

И Фирочка понимает, что других вариантов у нее нет, никогда не было и быть не могло, она немо трясет головой и вдруг сквозь все ее страхи, сомнения, веру, надежду, отчаяние прорывается давно забытое – слезы, обыкновенные женские слезы. Она и не помнит, когда в последний раз плакала, и, кажется, чувствовать разучилась, как слезы облегчают душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.